

**В.Н. Иванова,
Самарский университет**

**СЛОВО ЧЕЛОВЕКА И СЛОВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
(НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС М. БОТЕВОЙ «МОЙ ПАПА – КОМПЬЮТЕР»
И Н. ОВЧИННИКОВОЙ «МОЙ ДРУГ АЛИСА»)**

В тезисах разбираются коммуникативные ситуации, реализованные в двух пьесах современных детских драматургов. Возможно ли общение искусственного интеллекта и человека, по каким правилам, устроит ли это человека, состоится ли продуктивный диалог – эти и другие вопросы поднимаются в рассматриваемых художественных текстах и комментируются автором тезисов.

Ключевые слова: коммуникация, диалог, искусственный интеллект.

**V.N. Ivanova,
Samara University**

**THE WORD OF A HUMAN AND THE WORD
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE (BY THE EXAMPLE
OF M. BOTEVA'S PLAYS «MY DAD IS A COMPUTER»
AND N. OVCHINNIKOVA «MY FRIEND ALICE»)**

The theses deal with communicative situations realized in two plays by modern children's playwrights. Is it possible to communicate between artificial intelligence and a person, according to what rules, will it suit a person, will there be a productive dialogue – these and other questions are raised in the literary texts under consideration and commented on by the author of the theses.

Keywords: communication, dialogue, artificial intelligence.

Литература обладает прогностической функцией, фантастика во многом предсказывает научные открытия, обсуждает проблемы, связанные с их вхождением в мир человека. В последние годы особенно возросли темпы развития искусственного интеллекта и самообучающихся компьютерных систем, поэтому неудивительно, что вопросы, связанные с положением ИИ в мире человека, обсуждаются философами, а ИИ часто может стать героем художественного произведения. В 1993 году Вернор Видж издает эссе «Грядущая техноло-

гическая сингулярность» [1], в котором моделируется появление искусственного интеллекта, превосходящего человеческий. Р. Курцвел [2] и Д. Чалмерс [3] в 2005 и 2010 годах говорят о возможном обретении машиной субъектности, а сейчас ученые обращаются к общественности с открытым письмом с просьбой приостановить развитие ИИ [4]. Можно предположить, что один из пугающих аспектов заключен в том, что машина/робот/искусственный интеллект все более активно включаются в коммуникационные процессы и, более того, пользователь начинает ожидать от них почти человеческих реакций. В чем-то такое отношение обуславливает тест, разработанный А. Тьюрингом, связанный с идентификацией ИИ, который должен убедить человека в своей «человечности».

Обращаясь к работам В.И. Тюпы по неориторике, мы видим, что ситуация «понимания - не понимания» является важным коммуникативным результатом. «ситуация преодоленного размежевания индивидуальных субъективностей, предстающих не замкнутыми в себе мирами, а полюсами единого интересубъективного мира, для которых инстанция “нададресата” оказывается точкой встречи общающихся сознаний» [5]. Но всегда ли в современном мире общаются сознания? Более того, всегда ли возможен продуктивный диалог, требующий усилий от участников коммуникативного процесса?

Драма по своей природе даёт возможность увидеть событие. В случаях, когда героем становится ИИ, можно буквально рассмотреть, как моделируется диалог между человеком и машиной, и увидеть, как и чем отличаются слово человека и слово машины.

История перевоплощения человека в машину исследуется драматургом Марией Ботевой. Детская пьеса «Мой папа – компьютер» (2011 г.) представляет собой историю происшествия: человек (папа) зависает перед компьютером и проявляет себя в необычном амплуа. Ситуация комментируется подростком.

Драматический сюжет оказывается расслоён на два временных пласта. В первом пятиклассник Треухов даёт комментарии к происходящему в его семье. Второй пласт – собственно разворачивающиеся события. «Всё началось с того, что мне просто захотелось поговорить с папой» [6], – обычное желание подростка наталкивается на отсутствие коммуникации, но сама ситуация оказывается выходящей за пределы обыденности. Невозможность выстроить диалог реализуется через появление фантастического элемента, который не сразу участниками коммуникативной ситуации опознается как необычный. Отец не реагирует на обращение к нему сына, а механически говорит: «Не знаю, спроси у мамы». И для подростка это ситуация обыденная, что он подтверждает в

своем комментарии: «Вот так всегда! Или не слышит ничего, или говорит, чтобы шёл к маме». Семья ждёт гостей, маму не отвлекать, отец от него отмахнулся, но герой говорит об исключительности возникшей ситуации, хотя она осознается далеко не сразу.

Треухов засыпает отца вопросами и просьбами, обычными для ребенка в ситуации попытки выстроить диалог: «пошли на рыбалку», «купи мне мороженку», которые сменяются почти экзистенциальными вопросами: «Пап, ты живой?», «ты настоящий?». На каждый вопрос подросток получает в ответ или согласие, но без последующего действия, или делегирование ответа маме. Подросток демонстрирует этот диалог маме, с приходом гостей ничего не меняется – коммуникация не может быть выстроена. Реплики папы ограничиваются: «Угу», «Не знаю, спроси у мамы», «Да-да, сейчас». Фантастичность происходящего разрастается – при отключении света, отключается и папа.

Вскоре перед подростком встает этическая дилемма: он чувствует недостаточность общения с отцом и ненормальность сложившейся ситуации, но с одноклассниками он обнаруживает, что отец может решить любую задачу и уравнение по математике. Весть о полезности такого состояния Треухова-старшего разлетается по всей школе, и в этой ситуации оказывается заинтересован восьмиклассник Корень, самого Треухова отправляют на олимпиады из-за его превосходных письменных работ. Подросток начинает выступать как репер и в своих стихах он рассказывает о папе-компьютере. Треухову удается исправить отца – друг семьи пишет специальную программу, а мальчик добивается эмоциональной реакции, и происходит возвращение человека. Не такого идеального для конкретных нужд (подготовка письменных работ), но человека, хотя и разочаровывающего тем, что уже не может готовить с сыном уроки, ругающегося с мамой. Но момент, когда Корень пытается сделать Треухова-старшего снова компьютером – для мальчика трагедия.

В пьесе реализован ряд проблем, с которыми сталкивается подросток: желание поговорить, продуктивность и непродуктивность коммуникации и выстраивания диалога, проблемы в семье.

Первая «взрослая» пьеса преимущественно детского драматурга Надежды Овчинниковой «Мой друг Алиса» написана в 2018 году как раз тогда, когда широкое распространение получили голосовые помощники. Драматический сюжет основан на описании ряда ситуаций жизни семьи, где мать – Света – находится дома с двумя маленькими детьми, муж уезжает, и зритель видит, как и с кем выстраивается коммуникация усталого и по сути одинокого человека.

Всем героям не хватает общения и понимания. Детям Светы, Ванечке и Кеше, необходимо внимание в силу их возраста – 4 года и 2 месяца, Иван (муж Светы) занят работой, отправляется в командировку и не понимает проблем, с которыми сталкивается жена. Света оказывается в ситуации, когда близкие нуждаются в ее внимании, понимании и предугадывании их нужд и потребностей, а ей самой поговорить не с кем. Ситуация усталости, коммуникативного голода, выход из которой отчасти Света пытается найти в голосовом помощнике.

Алиса оказывается действительно помощником и может занять ребенка: отвечает на его вопросы, внимательно «выслушивает» саму Свету. Но вот любимое стихотворение Ванечки Алиса может только найти, а не прочитать, поэтому ребенку есть на что обидеться, ведь не все его просьбы Алиса в состоянии выполнить. Свете приходится объяснять, что Алиса робот и «не всегда понимает, что ты хочешь. Это только люди могут – догадаться, что тебе надо» [7].

Примечательно, что и для Светы, и для ребенка разговор с Алисой является поиском другого и попыткой выстроить коммуникацию. Ванечка хочет узнать новое, но при этом и утвердить то, что уже знает, Света – найти понимание, в котором она особенно начинает нуждаться по мере роста усталости. Но происходят события (попытка суицида Светы), в результате которых Алисе приходится экстренно выстроить продуктивную коммуникацию с ребенком, а сделать это представляется возможным только через «очеловечивание».

Так мы сталкиваемся с художественным исследованием коммуникативных проблем человека. В первом случае «окомпьюторивание» близкого оказывается реализованной метафорой сложностей коммуникации. В случае втором возникает «надежда на искусственный интеллект и как на помощника, и как на спасение от одиночества и непонимания другим» [8], однако при открытом финале невозможным оказывается сделать однозначный вывод о результативности взаимодействия человека и ИИ.

Список литературы:

1. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era, in Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace, G.A. Landis, ed., NASA Publication CP-10129. 1993. P. 11-22.
2. Kurzweil R. The Singularity Is Near. N.Y.: Viking, 2005.
3. Chalmers D. The singularity: a philosophical analysis // Journal of Consciousness Studies. 2010. Vol. 17, No. 9-10. P. 7- 65.

4. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter – Future of Life Institute // <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 30.03.2023 г.)

5. Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

6. Ботева М. Мой папа – компьютер // <https://www.uralplays.ru/works/15/>

8. Овчинникова Н. Мой друг Алиса // https://theatre-library.ru/authors/o/ovchinnikova_nadezhda

9. Тютелова Л.Г. Человек и голосовой помощник: проблема диалога (на примере пьесы Надежды Овчинниковой «Мой друг Алиса») // Всероссийская научная конференция «Творческая личность – 2020: Культурфилософский анализ медийной эпохи». 2020. С. 185-193.